

Ковбой Караченцов

Какое право, -1996.-15 июня.-с.4.

на дух не переносит «Мальборо»

Николай Караченцов живет в постоянных разъездах. Застать его практически невозможно. Если и дозвонишься, окажется: он только что приехал, но завтра снова уезжает. Гастроли, съемки. Фразы «Когда?!» и «Некогда!» во время нашего интервью прозвучали раз пятнадцать. Энергии и оптимизма у него явно хватит на десятилетия.

...Между прочим, курит обладатель неповторимого голоса «с трещинкой» не какое-нибудь банальное «Мальборо», а самую настоящую «Приму».

— Это что, воспоминание о тяжелом детстве?

— Просто дурная привычка. От нормальных сигарет я не накуриваюсь. А к этим приистрастился с 1-го курса. Когда их нет, покупаю «Дымок».

— Вы все по гастролям ездите. Между тем многие ваши ленкомовские коллеги уже превратились в бизнесменов. Вот Янковский — президент «Кинотавра», Абдулов организовал Московский кинофестиваль, Збруев клуб открыл. Вы что же отстааете?

— Нет у меня этой жилки. Думаю, меня обманут на второй день. Хотя мне многие предлагали что-то организовать — вроде как под мое имя могут дать какие-то льготы... На самом деле обидно, что столь уважаемые актеры вынуждены этим заниматься, что они не могут нормально зарабатывать за счет своей профессии. Обидно, что сейчас вообще уходит понятие «зарабатывать» — теперь «делают деньги». Я этого не умею.

— Недавно вышел ваш новый диск. Желания заняться пением всерьез у вас не возникает? Сделайте серию роликов, занять место в хит-параде?

— Что касается «пения», то эта оценка несколько завышена. То звукоизвлечение, что вы слышите, к бельканто не имеет никакого отношения. Моя задача — сыграть песню. И если меня в ней что-то трогает, я предполагаю, что затронет и вас. Но опять же — некогда. Вот сейчас мы с Максом Дунаев-

ским записали несколько песен и, надо сказать, подошли к этому очень серьезно. Но у него, как и у меня, миллион дел, и он такой же лентяй, как и я, — так что не знаю, как скоро это увидит свет.

— Легендарная серенада из «Собаки на сене» была вашим первым публичным опытом?

— Музыку к этому фильму написал Геннадий Гладков. Он и предложил: «Может, сам споешь?» Объясняя: «Я же только провонять могу!» Говорит: «Это и надо!» Так дело и пошло. Но письма поначалу самые разные приходили. «Твой голос — как скрипение телеги», — было и такое. И, конечно, спасибо Марку Захарову — именно с его приходом в «Ленком» появилась первая рок-группа.

— Мне рассказывали, что вы были знакомы с Высоцким.

— Он заканчивал ту же школу-студию МХАТ, что и я. Правда, был значительно старше. Он и Жора Арутюнян приходили к нам и пели на лестничной клетке. Помню, как мы однажды прогуляли лекции, запершись с ними в какой-то аудитории. Они нам показывали разные гитарные заходы.

— То, что вы поете, обычно называют лирикой — сны, были, любовь. В глазах публики вы выглядите самым настоящим романтиком — практически последним из могикиан...

— Да разный я бываю. Но хо-

телось бы что-то такое в душе сохранить. Романтик — это не так плохо. Есть же какая-то ностальгия — о вещах возвышенных, ярких, полетных.

— Сейчас, я слышала, вы снимаетесь у Светланы Дружининой в «Тайнах дворцовых переворотов» — играете Петра I, который умирает уже в первой серии. Так что работать вам было легко — вся роль в горизонтальном положении?

— Действительно, картина начинается с кончины Петра. Ну не совсем, когда уже глаза закатил, а с его последних дней. Но, между прочим, качество роли определяется не количеством слов.

— А в сериале «Петербургские тайны» вы с легкостью согласились сниматься? Ведь эстетствующая публика к сериалам относится, мягко говоря, с ехидством?

— Публика — она разная. Я слышал положительные отзывы и от самых интеллигентных людей. Это же первый ответ нашего ТВ на все эти латиноамериканские сериалы. А согласился потому, что понравилась роль. Это — как нас в школе учили — «собирательный образ» русского Робин Гуда. Мне хотелось, чтоб он был и мужественным, и наивным, и темпераментным, и трогательным.

— И Тиль, и граф Резанов тоже были идеальными мужественными героями. И когда потом вы пели «Что тебе подарить, человек мой дорогой», многие дамы думали: вот бы оказаться на месте той, кому это посвящено. Вы стали олицетворением того типа мужчины, о котором женщины мечтают, но очень редко встречают в реальной жизни. Нелегко жить с таким имиджем?

— Я не слишком об этом задумываюсь. А насчет олицетворения: вот же я, живой перед вами сижу!

— А эта песня — она все-таки посвящена кому-то конкретному?

— Так сразу разбежался и все рассказал! Это вопросы, на которые нельзя отвечать. Так же, как я не очень люблю мужчин, которые рассказывают о своих победах. Он унижает себя, унижает ее — и что-то ценное и дорогое тут же превращается в труху.

— К кому вы обычно ходите в гости? Кто ваши друзья?

— Мы до сих пор дружим классом. Но когда в гости ходить, елки зеленые? На меня друзья обижаются. Если они собираются компанией, обычно начинают с меня. Говорят: остальные подстроятся. Мы до сих пор стараемся держаться друг друга — это из той мужской романтики. Я интернатский человек, и, может, потому, что не просто парты стояли рядом, а еще и койки рядом, получилась совсем другая спайка. Не дай Бог, что-то случится, я прекрасно знаю, что тут же пять мужиков будут рядом.

— Вы все время говорите «некогда», а в теннис-то когда успеете играть?

— Я сумасшедший в смысле тенниса. На съемки езжу всегда с ракеткой. Это и развлечение, и отдых, и тренировка — все, что угодно.

— В прошлом году у вас был юбилей — 50 лет. Вероятно, вы подвели какие-то итоги, что-то главное для себя поняли?

— Некогда было. Я в ту же ночь улетел на съемку. И по-

том — какие-то вехи, они же не связаны с хронологией жизни. Что-то понимаешь именно на ходу, на бегу. Не потому, что ляпнуло столько-то.

Была здесь забавная история. Пришел как-то в гости к одному из своих друзей, киевскому композитору Володе Быстрякову. Он поднимает на руки свою дочку, совсем крохотулю, и говорит: «Смотри, запоминай! Когда ты вырастешь, он уже умрет!»

— Среди ваших коллег немало раздражительных людей. Вы же, похоже, умеете жить радостно. Поражаете энергией и положительным настроением. И, вероятно, просыпаетесь с ощущением: жизнь удалась!

— Думаю, каждому человеку было бы недурно научиться жить именно так. Я пытался это делать — только не всегда получается. Ну, наверно, спасибо моей маме — она научила меня не нести свои болячки окружающим. А насчет «жизнь удалась»... Однажды, когда я был маленьким — в том смысле, что у меня еще не было своей машины, — женщина в троллейбусе мне сказала: «Молодой человек, обратитесь к врачу, вы сами с собой разговариваете!» А я еду и что-то там про себя прокручиваю, репетирую. Так что удалась в том плане, что я занимаюсь делом, без которого не могу.

Ирина ХМАРА.